

АЛЕКСЕЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ЛЕОНТЬЕВ

ЖИЗНЬ ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ
(1936–2004)

Писать биографию Алексея Алексеевича Леонтьева для издания, представляющего галерею выдающихся психологов, очень трудно по нескольким причинам.

Во-первых, сейчас, когда пишутся эти строки, со дня его безвременной смерти прошло чуть больше двух лет — срок вряд ли достаточный даже для осознания факта его отсутствия, не говоря уже о масштабе сделанного и намеченного им. В 2006 г. ему исполнилось бы 70, и он уже начал думать об этом юбилее, обсуждал с близкими публикации к этой дате, ученики планировали конференции. В тот год действительно прошел целый ряд посвященных ему конференций, но его на них уже не было¹. К юбилею была приурочена и первая небольшая попытка свести воедино основные факты и даты его жизненного и профессионального пути². Но любой биографический очерк предполагает определенность, завершенность и расставление точек, а до этого еще далеко. Большинство материалов, на которые можно опираться, являются частью открытых, продолжающихся проектов, а не «единицами хранения».

Во-вторых, можно долго и аргументированно спорить, в какую научную дисциплину правильнее всего «записывать» этого ученого и

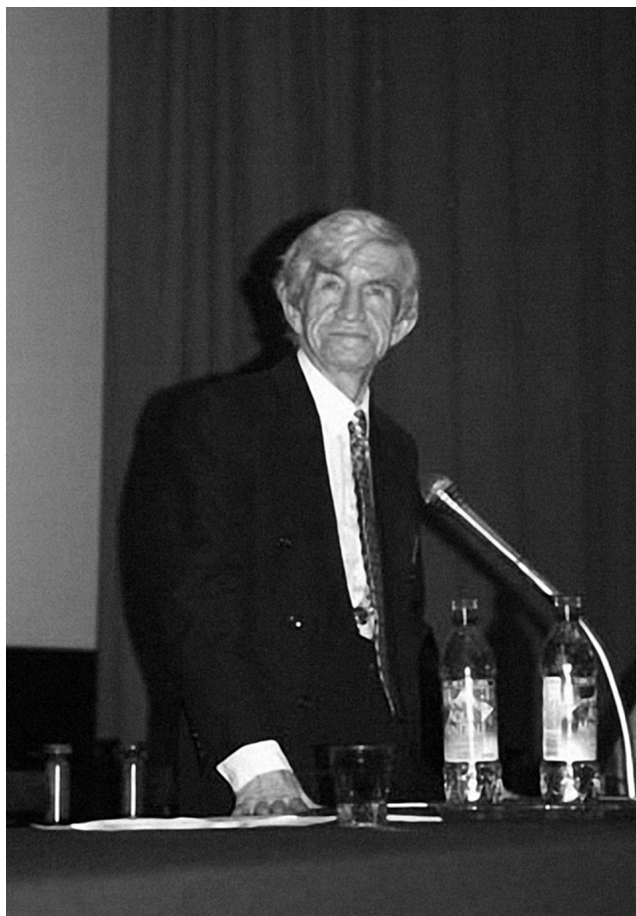
в какой из областей его научные заслуги наиболее весомы. Он получил не психологическое, а филологическое образование, приобрел мировую известность прежде всего как лингвист и специалист по методике преподавания иностранных языков. За несколько лет до смерти он с гордостью сообщал о полученных от одного из зарубежных коллег данных по индексу цитирования лингвистов, как современных, так и давно ушедших — в этом рейтинге А.А. Леонтьев занимал одно из первых мест. Другим поводом для гордости была информация о его ранних книгах, посвященных языку и речи, которые находятся в библиотеке М.М. Бахтина и снабжены его заметками и другими следами активного чтения этих текстов. Хотя можно назвать немало классиков нашей науки, не имевших базового психологического образования — в их числе Л.С. Выготский, Д.Н. Узнадзе, С.Л. Рубинштейн, К. Левин, Г. Мюррей, Э. Фромм, Р. Кеттелл, — доктору филологических наук А.А. Леонтьеву многие отказывали в праве высказываться по психологическим вопросам. Чтобы таких сомнений не возникало, он защитил вторую докторскую и стал дважды доктором, однако это помогло лишь отчасти³.

¹ См.: *Леонтьева А.А.* Памяти ученого // Психологический журнал. 2007. № 2.

² *Леонтьева А.А., Леонтьев Д.А.* Алексей Алексеевич Леонтьев: Материалы к биографии // НОМО LEGENS — человек читающий. Вып. 3. М., 2006.

³ В схожей ситуации оказался после Второй мировой войны доктор медицины Виктор Франкл, которому пришлось получить также степень доктора философии, чтобы иметь право высказываться по философским вопросам. С присущим ему юмором он говорил позднее в своих выступлениях: «Дамы и господа, у меня не только медицинская, но и философская степень, но мне это доставляет мало радости. Насколько я знаю своих венских коллег, никто не скажет, что Франкл дважды доктор, напротив, они будут говорить, что он врач лишь наполовину».

А.А. Леонтьев. Выступление на конференции,
посвященной творчеству А.Н. Леонтьева

Во всяком случае, с начала 90-х гг. психология, а чуть позднее педагогика начинают занимать центральное место в интересах А.А. Леонтьева, и лишь в последние годы перед смертью стал виден его масштаб как психолога. Впрочем, в его творчестве границы между различными дисциплинами были успешно преодолены. В своем выступлении на конференции, посвященной 70-летию А.А. Леонтьева, А.Г. Асмолов метко охарактеризовал его как одного из последних представителей гуманитарного энциклопедизма, не вписывающегося в дис-

циплинарные рамки, которые вообще для гуманитарных наук весьма относительны.

Наконец, в-третьих, будучи сыном прославленного А.Н. Леонтьева, он, пожалуй, обречен на сравнение с ним и пребывание в его тени, долгое время не позволявшее оценить адекватно его собственный вклад. Именно это и стало причиной, по которой он в молодости отверг научную карьеру психолога и поступил на другой факультет, избегнув так называемой семейственности. При этом он никогда не отрицал огромного влияния отца на его профессиональное и личностное становление: встречаясь с упреками в отсутствии психологического образования, он отшучивался: «Зато у меня есть психологическое воспитание!». Став ученым, он успешно развивал психологические воззрения А.Н. Леонтьева и его школы в смежных областях, которые ранее были довольно слабо затронуты влиянием идей психологии деятельности. Так возникли прочно связанные с именем А.А. Леонтьева теория речевой деятельности и теория общения как деятельности, а также целый ряд других плодотворных идей. И через четверть века после смерти А.Н. Леонтьева Алексею Алексеевичу, который готовил празднование его столетнего юбилея в 2003 г., удалось, по сути, впервые за это время заставить школу А.Н. Леонтьева почувствовать себя единым целым. Он вдруг оказался неоспоримым лидером этой школы, хотя, увы, очень ненадолго. А написанная им и изданная к юбилею научная биография отца⁴, впоследствии в расширенном виде вошедшая в большую книгу о нем⁵, в некотором смысле стала одновременно и автобиографией. Она вобрала в себя многое из начатых, но незавершенных собственных мемуаров Алексея Алексеевича, писавшихся в 2001–2003 гг.

⁴ Леонтьев А.А. Жизненный и творческий путь А.Н. Леонтьева. М., 2003.

⁵ Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е. Алексей николаевич Леонтьев: деятельность, сознание, личности. М., 2005.

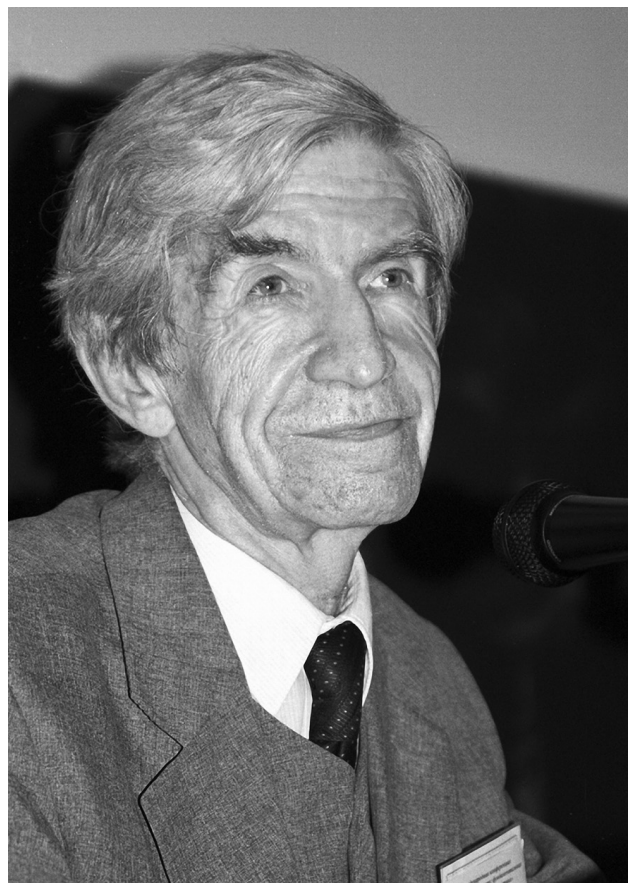
А.А. Леонтьев

* * *

Алексей Алексеевич Леонтьев родился 14 января 1936 г. в Москве, на Большой Бронной. Он был единственным ребенком Алексея Николаевича Леонтьева и его жены Маргариты Петровны (в девичестве — Лобковой). Членами семьи были также родители А.Н. Леонтьева — Николай Владимирович и Александра Алексеевна.

Детство А.А. Леонтьева пришлось на предвоенные и военные годы. Среди своих первых воспоминаний он называет Д.Б. Эльконина (жившего некоторое время в семье Леонтьевых), разговоры с прохожими через низкое окно, «щели» — индивидуальные бомбоубежища, в которых прятались уже во время войны, цветные плакаты с изображениями наиболее распространенных немецких военных самолетов, дорогу в Ашхабад, куда эвакуировали Московский университет, и жизнь там... К счастью, в семье никто не пострадал, и после войны все вернулись в тот же дом.

Еще до школы А.А. Леонтьев в группе нескольких детей занимался немецким языком, причем в качестве заданий давались, например, переводы стихов на немецкий. В сентябре 1944 г. он пошел сразу во второй класс в 110-ю школу им. Ф. Нансена. В это же время по результатам психологического обследования он был назван вундеркиндом и даже внесен в специальный список. Свою школу он вспоминает как благополучную, но довольно обычную. Окончив ее в 1953 г. с золотой медалью, А.А. Леонтьев уже знал, что хочет быть ученым, но с трудом принимал решение о факультете — думал и об истории, и об органической химии, и о языкознании, и о психологии. В итоге поступил на романо-германское отделение филологического факультета МГУ.

Недавно опубликованы воспоминания А.А. Леонтьева о студенческих годах⁶. В эти годы на факультете учились ставшие впоследствии знаменитыми А. Карельский, А. Зализняк, М. Гаспаров, М. Чудакова, С. Аверинцев и другие; преподавательский состав старшего поколения (С.М. Бонди, Н.К. Гудзий, С.И. Радциг, В.В. Виноградов и др.) был очень сильным. На третьем курсе А.А. Леонтьев возглавил лингвистическую секцию научного студенческого общества, где делал доклады,

⁶ Время, оставшееся с нами: Филологический факультет в 1953—1958 гг. Воспоминания выпускников / Ред. коллегия С.С. Ангелина и др. М., 2004.

например, по суахили и языковой карте Африки и организовывал другие обсуждения.

Университет он закончил в 1958 г. Его дипломная работа была посвящена дативу объекта в готском языке и получила высокую оценку (а также легла в основу двух публикаций); именно благодаря ей А.А. Леонтьев, в виде исключения, был принят на работу в Институт языкознания АН СССР. Среди его первых публикаций много хроникальных заметок (за них платили), совместная с А.Н. Леонтьевым статья «О двойном аспекте языковых явлений», разнообразные словарные статьи, рецензии и работы по творческому наследию И.А. Бодуэна де Куртенэ. Кандидатская диссертация по филологическим наукам, которую А.А. Леонтьев «без отрыва от производства» подготовил и защитил в 1963 г., была посвящена общелингвистическим взглядам И.А. Бодуэна де Куртенэ. В ней особый акцент был сделан на вопросе о функционировании языка и о взаимодействии языкознания с психологией. А.А. Леонтьев также был инициатором первых книжных публикаций работ и самого Бодуэна де Куртенэ, и трудов его ученика Е.Д. Поливанова, а также Л.П. Якубинского.

Работы А.А. Леонтьева этого времени довольно разнообразны (что, впрочем, отличало его всегда) — популярная книга «Возникновение и первоначальное развитие языка», словарные и аналитические статьи от историко-научных и методологических до таких тем, как красная строка, «префонологические тождества» или написание иностранных имен. Уже в 1968 г. он защитил диссертацию на соискание степени доктора филологических наук по теме «Теоретические проблемы психолингвистического моделирования речевой деятельности», причем еще до ее защиты у А.А. Леонтьева вышло 9 монографий на разные темы, многие из которых переиздаются и сейчас. Степень была нужна для того, чтобы иметь возможность собрать исследовательскую группу, и на следующий год Группа психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания АН

СССР была создана. Эта группа динамично развивалась; в числе ее участников можно назвать Ю.А. Сорокина, А.М. Шахнаровича, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцеву и других ведущих отечественных психолингвистов.

Именно с психолингвистикой чаще всего связывают имя А.А. Леонтьева, по праву считая его основателем этой дисциплины в нашей стране. Первую книгу на эту тему «Психолингвистика» он выпустил еще в 1967 г.; после нее вышли «Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания» (1969), «Язык, речь и речевая деятельность» (1969), а в 1997 г. — первое издание учебника «Основы психолингвистики», который менее чем за 10 лет переиздавался уже четырежды. Курс психолингвистики для психологов А.А. Леонтьев читал с 1967 г. — с основания факультета психологии МГУ — и до конца своей жизни. Он читал многие курсы по самым разным дисциплинам, в том числе первые в стране курсы по пропаганде и речевому воздействию, по психологии общения и многие другие; разрабатывал и такие прикладные приложения, как психолингвистические проблемы криминалистики и судебной психологии или проблемы экспертизы текстов.

В то же самое время А.А. Леонтьев стал сотрудником образованного при МГУ Научно-методического центра русского языка; занимался и более общими вопросами психологии и методики преподавания иностранных языков. В течение нескольких лет он возглавлял интенсивное обучение иностранным языкам в СССР в качестве председателя Научно-методического совета по интенсивному обучению иностранным языкам при АПН СССР. Много лет руководил в Обществе «Знание» РСФСР Научно-методическим советом по теории и методике лекционной пропаганды. С 1990 г. он — генеральный секретарь Международной ассоциации коллективного содействия изучению языков. Руководил Экспертным советом по языковой политике в образовательных учреждениях при Министерстве образования РФ. С 1995 г. —

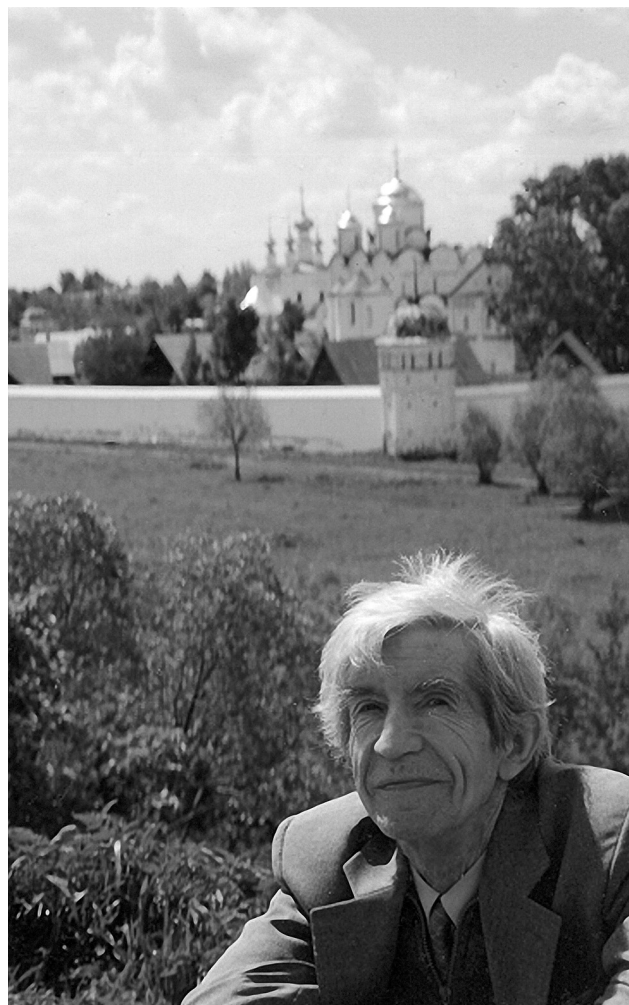

А.А. Леонтьев.
Отдых на природе

член Совета по русскому языку при Президенте Российской Федерации, а затем при Правительстве Российской Федерации.

Проблематика психолингвистики и речевого общения, пограничная между языкознанием и психологией, привела его к углублению в чисто психологические проблемы, и в 1975 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора психологических наук по теме «Психология речевого общения». В том же году он покинул Институт языкознания и перешел во вновь образованный Институт русского языка им. А.С. Пушкина на должность заведующего кафедрой методики и психологии.

В 1986 г., вплотную занявшись проблемами преподавания иностранных языков в школе и вузе, А.А. Леонтьев переходит на должность профессора кафедры методики преподавания иностранных языков факультета иностранных языков Московского государственного педагогического института им. В.И. Ленина (ныне Московский педагогический государственный университет). С этого времени вопросы образования, которыми он занимался с начала 70-х гг., становятся для него приоритетными, а лингвистические проблемы, напротив, отступают на задний план. А.А. Леонтьев был членом президиума правления Педагогического общества РСФСР, руководителем секции «Массовые коммуникации в обучении и воспитании». С 1988 до 1991 г. он был членом Временного научно-исследовательского коллектива «Школа» (заведовал там Лабораторией языкового образования), участвовал в подготовке многих документов по содержанию российского образования. С 1994 г. — ректор созданного им Института языков и культур им. Л.Н. Толстого. В 1992 г. А.А. Леонтьев избирается действительным членом Российской академии образования (по Отделению психологии и возрастной физиологии), а в 1997 г. — действительным членом Академии педагогических и социальных наук. С 1997 г. — научный руководитель Межрегиональной общественной организации «Школа 2000» (впоследствии — «Школа

2100»), разработки которой в настоящее время реализуются в виде учебников, программ, методических разработок в более чем 4000 школ России. С 2000 г. участвовал в работе Центра методологии вариативного образования РАО.

Путь А.А. Леонтьева в науке был отнюдь не прямым, но его никогда не смущала, даже наоборот, привлекала необходимость для решения каких-то проблем выходить за рамки хорошо известной области, осваивать новые пласты знания. Его отношение к любой работе выражает его фраза: «Если бы мне пришлось работать дворником, через месяц я был бы

старшим дворником». Он любил и умел работать, его работоспособность потрясала всех. Помимо уже названных областей — общего языкознания, русистики, психолингвистики, психологии общения (в том числе педагогического общения), психологии и методики обучения иностранным языкам и педагогики, — он внес ощутимый вклад также в области сопоставительно-типологического языкознания, изучения языков тихоокеанского региона, психологии искусства, поэтики и теории поэтической речи, этнографии. В списке его публикаций научно-популярные брошюры, многочисленные словарные и энциклопедические статьи, даже стихи и поэтические переводы. Список научных работ А.А. Леонтьева сейчас включает около 900 названий, в том числе около 30 книг, причем его работы продолжают и продолжают выходить. Сдан в печать сборник его работ по прикладной психолингвистике речевого общения и массовой коммуникации, начата публикация глав неоконченного учебного пособия по методологическим основам психологии, ведется работа по подготовке его книги по вопросам образования.

Как уже было сказано, в последние годы жизни в центре интересов А.А. Леонтьева наряду с педагогикой оказываются вопросы общей психологии и методологии психологии. В 1998 г. он принимает приглашение стать профессором факультета психологии МГУ, параллельно продолжая работать еще в нескольких местах. К тому времени относится и его фраза, ставшая пророческой: «Умирать надо профессором Московского университета». Время работы А.А. Леонтьева на факультете психологии МГУ совпало с празднованием 100-летнего юбилея А.Н. Леонтьева, после которого стали говорить о новом возрождении деятельностного подхода, активизации работы по изучению его научного наследия и консолидации созданной А.Н. Леонтьевым научной школы психологии деятельности. А.А. Леонтьев стал главным вдохновителем осмысления методологии деятельностного подхода в пси-

хологии на современном этапе, прочитав ряд новых курсов, в том числе курс «Методологические основы психологии» и выпустив фундаментальную монографию «Деятельный ум» (2001) и «Словарь Л.С. Выготского» (2004). Он также внес неоценимый вклад в историческую реконструкцию теории деятельности, написав уже упомянутую научную биографию А.Н. Леонтьева и сделав многое для публикации его научного наследия.

* * *

Однако не только научные и педагогические заслуги сделали А.А. Леонтьева одним из наиболее авторитетных членов психологического сообщества. Большую роль в этом играли особенности его личности. Он был человеком с весьма определенными ценностями, четкими убеждениями и непоколебимой готовностью этим ценностям и убеждениям следовать. Он никогда не был «пробивным», но сломать его или заставить согнуться было невозможно даже в трудные советские времена. Еще в студенческие годы он вместе с другими товарищами подписал письмо в поддержку одного слишком вольнодумного для тех времен преподавателя, по их мнению, несправедливо уволенного из университета. Разумеется, никакого результата это письмо не дало, кроме одного — пятна на характеристике всех подписавших его, аукнувшегося на дальнейшей карьере. На десятилетия он стал «невъездным»; о приеме в КПСС также не могло быть и речи, несмотря на его довольно долгую искреннюю веру в коммунистические идеалы и глубочайшее знание Маркса, которого он читал в оригинале (и не стеснялся публично указывать на ошибки перевода в канонических цитатах). Он никогда не жалел о подписанном письме, потому что поступил тогда в соответствии со своими убеждениями. И в последние годы для многих коллег он служил не только профессиональным, но и нравственным эталоном; никто не заставил бы его сказать то, что он на самом деле не думал. Не будет большим пре-

увеличением заявить, что в последние годы он был совестью профессионального сообщества — как в вопросах научной, профессиональной этики, так и в общежитийских вопросах.

Летом 2004 г. он был на пике своей многогранной научной, преподавательской и организационной деятельности, в разгаре целого ряда проектов, в которых он принимал деятельное участие. В числе этих проектов был университетский учебник «Методологические основы психологии», развитие методологии комплексной гуманитарной экспертизы и целый ряд других. Вместе с тем, как это видится сейчас, он был готов к смерти — не потому, что она была чем-то желательна или потому что главные дела были сделаны, наоборот. Но потому, что он достиг состояния какого-то душевного просветления, той личностной интеграции, которую большинство периодизаций развития личности описывают как последнюю, высшую стадию. В его душе был мир и покой, он любил и понимал жизнь, но его не страшила неизбежность ее конца — через двадцать лет или завтра. Следует добавить, что он вплоть до самой смерти никогда не обращался к религии.

Он сгорел буквально за несколько недель от не замеченной вовремя злокачественной опухоли. В этот период его не покидало спокойствие, и хотя он, видимо, понимал, к чему идет, доминирующей эмоцией была любовь и признательность к окружавшим его близким.

12 августа 2004 г. его не стало. Это оказалось очень неожиданным для всех. Однако в день прощания с ним, в дни поминаения и по прошествии многих месяцев после этого дня, когда люди собирались и говорили о нем, многие отмечали парадоксальное ощущение: чувство света преобладало над горем, ощущение его присутствия затмевало осознание его отсутствия. Его смерть оказалась лучшей иллюстрацией и доказательством правоты центральной идеи развивавшейся им неклассической психологии: душа человека, его психика, личность существует не только как «функция мозга» в теле индивида; в процессе взаимодействия с миром происходит непрерывная циркуляция психологических содержаний и смыслов между индивидами и миром социокультурных артефактов и текстов, в которых продолжается жизнь личности. Все то, что он внес в мир смыслов и вложил в души многих общавшихся с ним людей, создавало и продолжает создавать эффект его продолжающегося присутствия в одной жизни с нами. В день его похорон постоянно вспоминалась бардовская песня памяти Юрия Визбора со словами: «Уходя, оставить свет — это больше, чем остаться».

Да пребудет его свет с нами, и да не будем мы слепы к нему.

*Д.А. Леонтьев,
А.А. Леонтьева*